ИНОЕ

ТАНЯ КЛИМОВА
Родилась в 1993 году в Ростове-на-Дону. Окончила Литературный институт имени Горького и аспирантуру при нем (сфера научных интересов — литература русского зарубежья). Полуфиналистка премии «Лицей» (2023). Произведения публиковались в сборниках «Россия без нас» (2015), «Сообщники» (2023). В 2024 году в издательстве «Альпина.Проза» выйдет роман «Письма к отцу».

8

Больше всего на свете я боюсь смерти. Это так глупо, но всякий раз, когда кто-то в социальной сети выкладывает чью-то фотографию или меняет собственную аватарку, я думаю о том, что его не стало, ком в горле образуется сам по себе, я не могу его проглотить. Когда узнаю, что человек все-таки жив, равнодушно брожу по странице, обновляю новости – забываю о человеке (он словно – по-настоящему – умирает в моем сознании, но такой смерти я уже не боюсь).

Иногда мне снится, что умирает моя мама. Я вздрагиваю, просыпаюсь среди ночи, говорю – «никто не умер, никто не умрет, никто не умирает вообще, а если и умирает, то пусть умирает кто-то другой», шепчу имя бывшего парня, который, кажется, живее всех живых и которого я совсем не помню, но в моей реальности он отвечает за все грехи человечества (кто-то же должен за них отвечать).

Тихий двор в спальном районе провинциального города. Во дворе на зеленой покосившейся скамейке сидят две девочки. На одной из них желтый сарафан на бретельках, ноги грязные, пальцы на ногах в пыли, выглядывают из розовых резиновых шлепанцев. На второй – джинсовая юбка и розовый топик с изображением Леонардо Ди Каприо и Кейт Уинслет. Рядом стоят два мальчика – кудрявый высокий и низкорослый с брекетами на зубах. Еще один мальчик сидит на корточках – чертит палкой по песку зигзаг. Детям лет десять.

– Я вам расскажу историю, только умоляю, не говорите о ней никому, – говорит низкорослый.

– Опять «Камасутру» у сестры украл? – запрокидывает голову тот, что сидит на корточках.

– Отвали. «Камасутра» щас, кстати, не у сестры, я с того раза ей не вернул.

– Да хорош, рассказывай, что там у тебя. – Кудрявый толкнул плечом низкорослого.

– Помните, у меня дедушка умер, вы еще на похоронах были? Там Шпендик с бомжом подрался около кафе? На поминках!

– Блин, вечно я все самое смешное пропускаю. – Девочка в резиновых шлепках случайно опустила ладонь на руку подруги, тут же убрала.

– Короче, дедушка умер два месяца назад. Потом бабушка слегла с температурой. Она почти не просыпалась, а когда проснулась – перестала узнавать родителей и меня. Смотрела на меня, говорила: «Коля, меня Саша зовет».

– Коля – это батя твой?

– Ну да, она меня с ним и путала. А Саша – это дед. В общем, месяц назад я зашел к бабушке в комнату, а она открыла глаза и заговорила: «Саша, Саша, я уже скоро, у меня здесь нет ни-

каких дел». Я закричал, мол, бабуль, ты че, рано тебе умирать, не бросай нас. Она звала: «Саша, Саша». А потом закрыла глаза и не открыла их. На похороны я уже не ездил, батя сказал, что хватит с меня похорон.

– Жесть, думаешь, он ее в натуре звал?

– Похоже на то.

Все замолчали. Девочка в розовом топике смотрела на низкорослого мальчика. Их взгляды встретились. Она вздохнула. Он тоже вздохнул и отвернулся.

8

Простыня пахнет медом, надо мной склоняется мама, я не могу уснуть от страха и тревоги. Я осознала, что все люди смертны, что даже самые лучшие, самые знаменитые, самые богатые умирают.

Я захлебываюсь от слез.

– Не говори глупости, в то время, когда придется умирать нам с отцом, уже изобретут лекарство от смерти, люди будут жить вечно.

Я успокаиваюсь от ее раздражения, глажу руку, на которой еще нет морщин, ни единой морщины нет и на моей руке, ее ногти длинные, розовые, она ни разу на моей памяти не пользовалась лаком для ногтей, ее тело мягкое, взгляд грустный, возможно, потому, что она знает, что никаких лекарств не существует, что когда-то уже были Богданов и Гастев, мечтавшие о воскрешении, о вакцине от смерти (будто смерть какой-то страшный вирус). Их полудетские, наивные, до ужаса простые размышления реализовались на практике: «капсула бессмертия» до сих пор лежит на Красной площади в Мавзолее.

Я тебе рассказывала о твоей прабабушке, Александре? Это моя бабушка, хотела назвать тебя в честь нее, но ты родилась рядом с Татьяниным днем, поэтому назвали тебя Татьяной. Я любила эту бабушку больше всех на свете, она обо мне заботилась. Я боялась, что она умрет.

Я уехала от нее в другой город, потому что вышла замуж за твоего отца. Мы с ним только поженились, ты еще не родилась. Ночью, в три часа, проснулись от стука в дверь. Отчетливого. Папа пошел узнавать, кто стучит. Вернулся – сказал, что все проверил, никого поблизости не было. Утром получили телеграмму, что бабушка Александра умерла в три часа. Я хочу верить, что она приходила ко мне, потому что хотела попрощаться. Она любила меня, она заботилась обо мне.

8

Я прохожу курс терапии больше полутора лет, но никогда не заговаривала о страхе смерти, говорить о нем – это как вспоминать о том, что у меня есть две руки, две ноги, волосы – на голове и на теле. На одном из сеансов мы, как до этого не бывало никогда, обсудили все темы, которые меня волновали, – меньше чем за полчаса. Психолог, растягивая время, спросила, нет ли чего-нибудь еще, что питает мою тревогу. Ответила:

– В целом ничего такого, все как обычно – я боюсь телефонных звонков, потому что они могут быть вестниками смерти, а еще если в книге встречается момент, где кто-то умирает, я судорожно стараюсь ее дочитать – пропускаю станции в метро, регистрацию в аэропорту, опаздываю на работу, на занятия с учениками, на встречи с друзьями. У меня руки трясутся от статей под заголовками «Ушедшие в 2020-м», когда я вижу упоминание о чьей-то смерти в фейсбучном посте, внимательно читаю все комментарии в надежде, что кто-нибудь напишет опровержение.

Психолог сказала, что это серьезная проблема, и попросила прочесть книгу Ирвина Ялома, экзистенциального психотерапевта, пишущего о страхе смерти. По еще не до конца осознаваемой привычке я загуглила, жив ли Ялом. Удивилась, что он – счастливый, девяностолетний, дающий автографы, презентующий новые книги, выступающий перед большой аудиторией – жив.

Черная «ауди». Водитель – мужчина с крупными руками и пивным животом, редкой щетиной, коротко стриженный, выходит из машины, захлопывает дверь, достает сигарету. Подносит к ней зажигалку. Чиркает, прикрывая огонь рукой – от ветра. В автомобиле сидит девочка лет двенадцати, на ней черное бесформенное платье, вьющиеся волосы лежат на плечах, некоторые пряди секутся. Она наблюдает из окна машины за тем, как останавливается катафалк около института, где двадцать лет преподавал ее отец. Из катафалка два незнакомых темнокожих парня выносят гроб с телом отца. Ставят его во двор института. К гробу подходят несколько юношей и девушек – с венками «Любимому преподавателю», «Помним, любим, скорбим». Они кладут венки рядом с гробом, смотрят на тело, молчат, опустив глаза. К ним подходит мужчина в черном пиджаке и солнцезащитных очках – ректор института. Он

жестикулирует, шевелит губами. Юноши и девушки стоят с опущенными глазами. Рыжая девушка начинает плакать.

8

Раньше я никогда не задумывалась о том, насколько силен мой страх *смерти*, он просто жил во мне с самого детства.

Помню, как я, шестилетняя, входила в кабинет к отцу, чтобы пожелать ему спокойной ночи, и старалась выговорить свое пожелание отчетливо, просвистеть первую согласную, чтобы не получилось «покойной ночи», ведь если получится «покойной ночи» – это значит, что мой папа обязательно *умрет* в эту ночь, исчезнет, растворится, завтра у меня не будет папы, а виновата в этом буду только я. (Когда он погиб по-настоящему, после теракта в Ростовской области, я не винила чеченских сепаратистов, как это делали люди в интернете, в любительских пабликах обсуждая происшествия нулевых, я пыталась вспомнить, не сказала ли я чего-нибудь, связанного со *смертью*, в ночь перед отцовским отъездом.)

Я лежала в темноте в одиночестве в своей комнате и плакала оттого, что не могу быть со всеми близкими мне людьми, не могу убедиться, что они спят, живы, дышат. Мне нравилась идея существования Бога, который – всевидящий – следит за каждым из них, нравилось, что его – Бога – можно попросить о бессмертии, я и просила – для папы, мамы, брата, бабушки, тети Фаины, дяди Саши. Не знала, существует ли у Бога лимит этих просьб, но – на всякий случай – просила только о самых родных, чтобы не перегружать Его, чтобы Он точно сохранил тех, кого нужно.

Мне страшно, когда моя подруга неожиданно улетает в родной город (*умер* кто-то из родителей?), когда в новостных уведомлениях сообщается о крупной аварии в центре Москвы, когда узнаю об очередном теракте, когда мой парень долго не отвечает на сообщения, когда кто-то опаздывает на встречу (поэтому стараюсь опоздать сама, чтобы не ощущать это зыбкое, всепоглощающее чувство пустоты, сменяющееся режущей изнутри тревогой). Мне страшно – почти всегда – где бы я ни была, чем бы ни занималась. *Смерть* приходит ко мне и во снах – в виде моей бабушки, похороны которой я проигнорировала, поэтому она в моем сознании либо мертвая в собственной постели (я могу воспроизвести день ее смерти поминутно), либо облокачивающаяся на березу в саду, тяжело дышит, по-детски улыбается, вызывает щемящую жалость, как в тот день, когда у нас совсем не было денег, а потом папа получил зарплату, купил колбасу и апельсины, колбасу быстро съели, она почему-то не досталась бабушке, я готова была *умереть* от стыда из-за того, что мы забыли предложить ей бутерброд, но она потянулась к апельсину со словами «ну ничего, апельсинки съем», колбаса, не съеденная бабушкой тогда, – это моя самая сильная вина, трагедия и боль.

8

На уроках русского языка я не любила морфологические разборы, не понимала, зачем лично мне нужна эта сухая структура, делая упражнения, придумывала истории, связанные с разбираемыми глаголами, прилагательными и существительными, чтобы не было так скучно. Сейчас – поняла – это нужно, чтобы отключиться от прямого значения, чтобы встроить символы в бездушную схему. Чтобы не было так страшно. Чтобы можно было контролировать. Отсутствие – сущ., им. п., ед. ч, ср. р, 2-е скл. Проживание утраты – словосочетание со связью управления. Смерть – сущ., им. п., ед. ч., ж. р., 3-е скл.

По разбитому асфальту едет грязный автомобиль УАЗ болотного цвета. В нем сидят пятеро подростков, подскакивают, когда колесо попадает в промоину асфальта. Из их разговора понятно, что они едут хоронить классную руководительницу. Один из них – картавый, тучный – говорит, что желал не этого, когда хотел, чтобы контрольной по биологии не было. «Бойся своих желаний», – отвечает веснушчатая девочка, сидя на коленях пахнущего рыбой мальчика с сальными волосами («Ребят, ну вы потеснитесь, ей-богу, на колени к нему сядь, чтоб все поместились», – говорил водитель уазика, прежде чем захлопнуть двери). «Смешно, но, кажется, у нас исполнилась мечта многих, хотя от этого ничуть не радостно», – говорит парень в белой футболке, держась за ручку: автомобиль заносит. «Вообще она была доброй, помните, конфеты нам приносила, когда у нее был выходной? Прям в класс приходила и раздавала, помните?» – тонким голосом произносит мальчик, пахнущий рыбой. «С хера ли она доброй была, Катунин, ты совсем тупой, почитай, какие она замечания всем в дневник строчила, а вообще, отсядь от меня, ты воняешь, скунс», – кривится

лопоухий парень в олимпийке «Адидас». «Еще эти тени над глазами убогие, синие и выражение лица крысиное», – веснушчатая девочка задевает хвостом лицо мальчика, пахнущего рыбой, так, что ее волосы случайно попадают ему в рот. «Катунин щас твои патлы лизнул». – «Фу, ты че, Катунин, ребят, мне можно куда-нибудь пересесть?»

Девочка с волнистыми волосами смотрит в окно – мимо проносятся донские степи. Ей мерещится среди них классная руководительница – с синими веками, с пальцами, испачканными мелом. Она слышит резкий запах ее духов. Или это запах рыбы?

8

Смерть папы – самое страшное событие в моей жизни, потому что неожиданное и незаслуженное (я – не заслужила). Смерть бабушки – самое несправедливое событие в моей жизни, потому что она его не заслужила, она не рефлексировала о смерти, она не умела ее осознать, от смерти ее нужно было сберечь, а я даже не желала ей спокойной ночи (когда приезжала к ней, редко выходила из отведенной мне комнаты, погруженная в подростковые переживания, она со вздохом жаловалась подругам, что почти меня не видит).

Папа – советский атеист, он знал, что после смерти не будет ничего, он читал Ницше и Шопенгауэра, он верил в науку и медицину, убеждал окружающих в том, что жизнь заканчивается лопухом на могиле. Я была там, на его могиле, три раза за семнадцать лет, прошедших после его смерти. Я не живу в городе, в котором он похоронен, а как только оказываюсь там – меньше всего думаю о том, чтобы посетить родные могилы. Но я хорошо помню, как она выглядит: на ней нет никаких лопухов, на черном мраморе изображение – плавными штрихами – его пронзительный, добрый взгляд, пышная шевелюра, полуулыбка, что-то от Джоконды. Рядом – скамейка, над скамейкой – береза. Какой-то осенью я просидела несколько часов на этой скамейке, под этой березой, наблюдая за тем, как падающие листья застилают надгробие. Я знала, что в таких ситуациях принято разговаривать с мертвым, рассказывать ему что-то значимое, спрашивать, как он там, в этом небытии, но мне было не о чем ему рассказать, я ни о чем его не спросила, думала только о том, как проходит время – и быстро, и медленно, как я ощущаю себя в этом времени, проведенном рядом с его могилой, – и страшно одинокой, оставленной, и любимой, особенной, защищенной. Я чувствовала, что могу наделить его любым качеством, могу придумать множество ситуаций, которые якобы происходили, могу сделать его удобным – поэтическим – воспоминанием, героем книги, космонавтом, преподавателем, журналистом, поэтом, археологом, мореплавателем. Его внешность – конвенциональная – подходит под любой миф. Но каким ты был на самом деле, папа?

Могилы бабушки я не видела никогда, не была на ее похоронах и иногда сомневаюсь в том, что вообще когда-либо ее знала, хотя она умерла позже, чем отец. Она была верующим человеком, убеждала окружающих в том, что вечная жизнь существует, что то, как тебя примут *там*, зависит от того, как ты будешь вести себя *здесь*. Она уговаривала меня выучить «Отче наш», я – втайне от папы – выучила и не раз в детстве спасалась от тревоги созвучием фраз, их проговариванием, замедлялась, выдыхала.

Блаженны верующие. У них есть ответы на самые страшные вопросы, они могут – абсолютно искренне – этих вопросов избежать. Я уверена, что бабушка умирала в спокойствии, потому что знала, что после смерти ее ждут и ценят, я видела последний вздох бабушки, я смотрела на ее закрытые веки, на панику моей матери, на быстрые движения соседки, пришедшей на помощь, я знала, что бабушке – здесь, в этой комнате, – лучше всех. Она избавилась от головной и сердечной боли, перешла в мир иной, где встретится с дедушкой – как и хотела. Я всегда завидовала религиозным людям.

Я думала о папе, я не знала, как он умирал, что чувствовал в этот момент, осознал ли собственную смерть, представлял ли меня? В детстве меня успокаивало, что последней мыслью отца должна стать мысль обо мне, и вгоняло в тревогу то, что он мог подумать о моем брате, о первой жене, о последней влюбленности, о ежедневнике, оставленном в его секретере, о любимой книге, о каше, съеденной за завтраком, о планах на следующий – не случившийся – день, о запахе акации, доносящемся с набережной в его двадцатый день рождения, о маме… Я ревновала папу к его последней мысли, я хотела, чтоб он любил меня больше других, даже больше брата и мамы.

Ранняя весна. Кое-где видны лужи и остатки снега на промерзшей земле. Солнце уже греет, можно ходить без шапки в расстегнутом пальто. Совсем скоро будет плюс тринадцать.

Задний двор крематория. Люди кучкуются, подходят к знакомым, просят сигареты, курят. Планируется отпевание и сожжение нескольких покойников. Кто-то затянул прощание, поэтому все идет не по плану. Во двор крематория прибывают волнующиеся люди.

– Я рада, что ты пришел, – говорит девушка с кудрявыми волосами парню в синем пиджаке.

Он держит в руках красные розы.

– Ты сказала, что будешь здесь, вот я и пришел.

– Он был моим любимым преподавателем.

– Да, и моим. Милый старикан. Не от мира сего будто бы, правда?

– Да. Мне нравилось, что он читал на ходу книги и спрашивал каждого студента, который возвращался из какого-нибудь города, не о том, что он в этом городе или стране видел, а о том, в каких книжных магазинах он побывал. Я из-за него, куда бы ни летала, первым делом захожу в книжные. Жаль, что уже не расскажу ему об этом.

– Если хочешь, можешь рассказывать мне. Ты очень милая, когда скорбишь.

– Странный комплимент, но спасибо. Буду рассказывать тебе.

8

Смерти в моем детстве не существовало, потому что умершие воскресали, приходили к живым, разговаривали с ними, забирали их с собой. Я верила в то, что души живут после смерти, что можно вызвать *оттуда* дух любимого человека и поговорить с ним по душам (какой удивительный каламбур). С детства у меня были размыты границы между жизнью и смертью, между миром живых и миром мертвых. Моя детская жизнь проходила будто бы во сне, чужая детская смерть смотрела на меня со страниц газеты «Азовская неделя», где кто-то догадался напечатать на весь разворот фотографии гробов двух девочек, покончивших с собой. Они взялись за руки и спрыгнули с девятиэтажки. Я не дала маме завернуть рыбу в этот газетный разворот, я спрятала эти листы в своей комнате и рассматривала каждое утро, пока домашние не заподозрили неладное – отобрали у меня газету, испугавшись «остекленевшего взгляда», как назвала его бабушка.

Ты знаешь, это были лучшие похороны в моей жизни. Не поверишь, но я была влюблена в тебя. Все плакали, а я не могла перестать улыбаться. Я смотрела на тебя, я тебя видела. Ты стоял в строгом пиджаке, с букетом красных роз, будто бы перед свиданием. Ты оглядывался на меня, когда священник тянул молитву и раскачивал кадилом. Я старалась не выдать своего счастья от того, что я тебя вижу, пыталась даже заплакать, но у меня ничего не получалось. Ты положил букет в гроб, в ноги моему любимому преподавателю, посмотрел на меня и, кажется, улыбнулся. Потом подошел ко мне – мы коснулись плечами. Мне нравилось то, что мы с тобой молоды и, кажется, влюблены друг в друга. Ты пришел на похороны нашего семидесятилетнего преподавателя через три года после того, как мы с тобой окончили институт, – ради меня. Потому что ночью, когда ты позвонил мне и спросил, одна ли я, собираюсь ли я спать, почему у меня такой грустный голос, я ответила, что умер наш преподаватель. Ты сказал, что сочувствуешь мне, потому что знаешь, что я очень его любила. Я была благодарна тебе за *знание* о том, кого я любила. Я спросила, не хочешь ли ты сходить на его похороны, а ты ответил, что занят, что у тебя работа. А потом я смотрела на тебя на его похоронах. Я тебя видела. Мне нравилось, что нашему преподавателю было семьдесят: он прожил долгую жизнь и, наверное, был бы рад тому, что на его похоронах кто-то понял, что кое в кого влюбился.

8

На похоронах отца я рыдала, захлебываясь. Я вспомнила об этом недавно, когда мне позвонила мама и рассказала о том, что умерла ее близкая подруга, это уже вторая подруга моей мамы, которая умерла. Подруга умерла от инсульта – ей стало плохо в маршрутке, водитель сразу привез ее в больницу, она лежала в реанимации и умерла через три дня. У подруги остались дети – сын-семиклассник и семнадцатилетняя дочь, которая в прошлом году не смогла поступить в институт. «Ее дочь рыдала, захлебываясь», – говорила мне мама.

На похоронах отца меня успокаивала моя классная руководительница – я не помню, как ее звали и как она выглядела, но иногда до сих пор слышу запах ее духов.

Когда мне было пять, я в подробностях представляла исчезновение близких. Тело расслабляется, глаза замирают, останавливаются наручные часы. Об этом мне рассказали в детском саду – когда сердце человека перестает биться, его

наручные часы останавливаются. Мне подарили наручные часы. Однажды они остановились – села батарейка. Я ничего не почувствовала. Я не боялась собственной смерти.

Когда мне было десять, я загадывала: допрыгаю до конца нарисованных мелом на асфальте «классиков» – спасу всех от смерти. Нарисую как можно больше восьмерок в тетрадке по математике – дарую всем вечность, потому что восьмерка значит бесконечность. Четыре плюс четыре – мой любимый пример. В остальных – сложных, тех, которые не могла решить, – всегда выходила восьмерка. А иногда – и три восьмерки.

8

Я боюсь не своей смерти, я боюсь смерти людей, окружающих меня. Когда они умирают, я сильно по ним скучаю, даже если я никогда не знала их и никогда не видела вживую. Меня всегда удивляло то, что, когда человек умирает какой-то страшной смертью, о которой рассказывают во всех новостях, у него появляется столько подписчиков в соцсетях, сколько никогда бы не появилось при жизни. Зачем люди подписываются на аккаунты мертвых? Я еще могу понять подписки на живых, потерявших тех, кого они любили больше жизни, ведь, следя за ними, ты попадаешь в особенное реалити-шоу – пытаешься найти ответ на вопрос, можно ли пережить то, что, казалось бы, пережить нельзя?

Я помню жертв терактов в «Норд-Осте» и Беслане. Я помню тех, кто утонул в подлодке «Курск», знаю, как сейчас живут те, кому удалось выжить и пришлось утратить близких. После каждого теракта в Москве и Петербурге моим любимым чтивом становилась газета «Комсомольская правда»: там писали о тех, кто погиб – откуда ехал, куда не попал и не попадет никогда. Периодически я гуглю родственников каждой жертвы – жертвы войны, жертвы чужой халатности, – когда в торговом центре «Зимняя вишня» в Кемерово сгорели дети и родители в кинотеатре, где их случайно закрыли.

Меня завораживает смерть. И завораживает жизнь во время и после смерти. Папа умер вчера, мама сейчас находится с его телом, а мы с братом рисуем фломастерами за столом в доме бабушки, бабушка спрашивает, голодные мы или нет, а брат шепотом: «Ты помнишь, что сегодня произошло?» Умер мой начальник, который был со мной рядом в самые тяжелые годы моего взросления. На похоронах рыдала его мать, оставшаяся в одиночестве, называла его зайчиком, говорила, что он был всегда внимательным, что она оказалась вне себя от счастья, когда он впервые ей улыбнулся. Я вытирала слезы. Рядом со мной был мой парень, который сжимал мою ладонь и обнимал меня. Потом мы сели в такси и поехали в торговый центр – обедать и покупать свечки для торта: у его коллеги был день рождения. Это удивительное ощущение пустоты, боли и легкости после чьих-то похорон передать невозможно. Это не та легкость, которая возникает, когда ты сдал сложный экзамен. Это не та пустота, от которой хочется резануть ножом по ладони, чтобы что-то почувствовать. Это не та боль, которая ноет или пульсирует. Это иное.

Курс CWS «Автофикшн: как писать о себе», осень 2023 – зима 2024-го; ведущие – Арина Бойко, Наталья Калинникова.